

УДК 821.111-311

doi 10.17072/2073-6681-2026-2-117-126

EDN ZZASXG

<https://elibrary.ru/zzasxg>

Грани образа графа Эссекса в биографии Дж. Литтона Стрейчи «Королева Елизавета и граф Эссекс»

Касьянова Мария Леонидовна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

kasuanovamfriya@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию образа Роберта Девере, графа Эссекса, в биографическом произведении Джайлса Литтона Стрейчи «Королева Елизавета и граф Эссекс». Исследован образ графа как исторической личности в контексте жанра «новой биографии». Сделан вывод о том, что Литтон Стрейчи осознанно отодвигает сухие исторические факты на второй план с целью придания повествованию «мистического» подтекста: автор выстраивает художественный образ своего героя, исходя из предположения о предопределенности его судьбы. Образ Эссекса соединяет в себе несколько граней: Эссекс как воплощение Средневековья (Эссекс-Старая Англия) и связанный с ним образ Эссекса – сказочного рыцаря; Эссекс как воплощение елизаветинства (Возрождения), с которым связан образ Эссекса как сочетания «мужского» и «женского»; Эссекс как мифологический герой (Эссекс-Актеон, действующий в паре с Елизаветой-Артемидой); Эссекс как «Сын Божий» и, наконец, Эссекс-юноша и Эссекс – живой человек – главная тема новой биографии как жанра. Актуальность исследования обусловлена интересом современного литературоведения к биографическому жанру, его истории, характерным чертам и отдельным произведениям, а также интересом к личности Литтона Стрейчи и его творчеству. Цель работы – анализ особенностей авторского видения в образе Роберта Девере. Научная новизна исследования состоит в комплексном изучении проявлений жанра новой биографии в создании образа Роберта Девере. Материалом для анализа послужила биография Джайлса Литтона Стрейчи «Королева Елизавета и граф Эссекс» (“Elizabeth and Essex: A Tragic History”, 1928). В рамках исследования применены биографический метод, элементы мифопоэтического анализа, метод герменевтического анализа, текстологический и культурно-контекстуальный методы.

Ключевые слова: новая биография, Джайлс Литтон Стрейчи, граф Эссекс, образ, елизаветинство, Возрождение, Средневековье.

Для цитирования

Касьянова М. Л. Грани образа графа Эссекса в биографии Дж. Литтона Стрейчи «Королева Елизавета и граф Эссекс» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2026. Т. 18, вып. 2. С. 117–126. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-117-126. EDN ZZASXG

The Multifaceted Image of Essex in the Biography by G. Lytton Strachey “Elizabeth and Essex: A Tragic History”

Mariya L. Kasyanova

Perm State University

kasuanovamfriya@gmail.com

Abstract. The article examines the portrayal of Robert Devereux, Earl of Essex, in Giles Lytton Strachey’s biographical work *Elizabeth and Essex: A Tragic History*. The article analyzes the image of the

earl as a historical figure within the context of the "new biography" genre. Strachey deliberately puts historical facts into the background in order to imbue the narrative with a "mystical" subtext: the writer constructs the artistic image of his hero based on the assumption that his fate was predetermined. The image of Essex combines several facets, which can be roughly defined as follows: Essex as the embodiment of the Middle Ages (Essex as Old England), which is associated with the image of Essex as a fairy-tale knight; Essex as the embodiment of Elizabethanism (Renaissance), which is associated with the image of Essex as a mixture of the "masculine" and "feminine"; Essex as a mythological hero (Essex-Actaeon, acting in tandem with Elizabeth-Artemis); Essex as the "Son of God," and finally, Essex as a young man and Essex as a living person, which is the main theme of the new biography as a genre. The relevance of this research is determined by the interest of modern literary studies in the genre of biography, its history, its features and individual works as well as by the interest in the persona of Lytton Strachey and his works. The study aims to identify and analyze the author's unique vision of Robert Devereux. Scientific novelty of the research lies in its comprehensive examination of manifestations of the new biography genre in the creation of Robert Devereux's character. The research material is Giles Lytton Strachey's biography *Elizabeth and Essex: A Tragic History*, 1928. The study employed the biographical method, the mythopoetic method, the cultural-contextual method, the methods of textual and hermeneutic analysis.

Keywords: new biography, Giles Lytton Strachey, Essex, image, Elizabethanism, Renaissance, Middle Ages.

For citation

Kasyanova M. L. The Multifaceted Image of Essex in the Biography by G. Lytton Strachey "Elizabeth and Essex: A Tragic History". *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2026, vol. 18, issue 2, pp. 117–126. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-117-126. EDN ZZASXG (In Russ.)

Введение

Жанр биографии всегда вызывал интерес как у простых читателей, так и у исследователей. О сущности биографии размышляли С. Ли Lee 1911], А. Моруа [Maurois 1929], В. Вулф [Woolf 1939: 506–510], Д. Клиффорд [Clifford 1962], П. М. Кендалл [Kendall 1965], Д. Труби [Truby 2022]; истории жанра биографии посвящены труды Х. Рендерса [Renders 2014], М. Б. Паренко [Паренко 2019: 11–24]; «новая биография» исследуется в работах Д. А. Джонстона [Johnston 1929], Р. Хоберман [Hoberman 1987], М. Ти-рриард [Thirriard 2021], Х. Ибрагимовой [Ибрагимова 2013: 130–135], М. В. Ходинской [Ходинская 2023: 75–79] и мн. др. Существует достаточно большое количество работ, посвященных жизни и творчеству Джайлса Литтона Стрейчи как одного из создателей жанра «новой биографии», например, труды М. Холройда [Holroyd 1955, 1971, 1995], статьи М. А. Сафоновой [Сафонова 2013: 113–117; Сафонова 2014: 132–138], Б. М. Проскурнина [Проскурнин 2020: 77–87], Л. Т. Селитриной и С. Ю. Дашкова [Селитрина, Дашков 2026: 148–157]. Невозможно перечислить имена всех исследователей, работавших в области биографического жанра или обращавшихся к трудам отдельных его представителей, но очевидно одно: интерес к творчеству писателей-биографов, Джайлсу Литтону Стрейчи в том числе, сохраняется на протяжении многих лет и не теряет своей актуальности. Интерес к произведениям Литтона Стрейчи подчеркивает и недавнее издание его труда «Именитые Викторианцы» [Стрейчи 2024].

Польская исследовательница Анита Чавек связывает такую увлеченность биографическими произведениями с глубоким интересом к истории жизни «Другого» ("Inny") [Calek 2013: 11]. «Другой» – не случайный человек, а известная личность, снискавшая славу в какой-либо сфере – в политике, искусстве, науке или религии. Биография, как и любая литература, – место встречи рассказчика и читателя, они оба размышляют о судьбе чужого им человека, иногда отстраненно, иногда с жаром и вовлеченностью, но всегда преследуют одну цель – проникнуть в суть жизни. Похожую мысль высказывает американский биограф Айра Нейдел, говоря о том, что читателю куда естественнее питать интерес к природе человеческой личности, нежели к событиям [Nadel 1987: 131]. Этот интерес берет свое начало из самой сути человека. Аристотель в своем труде «Метафизика» заявлял: «Все люди от природы стремятся к знанию» [Аристотель 2006: 28], в широком смысле – к знанию о мире в целом, в узком – к знанию о частных сторонах нашего существования, и интерес к личной, интимной стороне жизни человека, выхваченного из круговорота времени и помещенного на страницы книги, есть не что иное, как проявление нашей природы.

Особенно явно интерес к прошлому и его лицам проявляется в кризисные времена, когда общество сталкивается с серьезными социальными, политическими и экономическими изменениями, когда привычная жизнь распадается на части, а впереди поджидает гнетущая неизвестность. В

такие периоды человеческий разум устремляется в прошлое в поисках опоры, в попытках справиться с кризисом собственной идентичности [Леопольд 2013] и с целью создать связь между поколениями. Помимо этого, новый травматичный опыт переживаемого кризиса заставляет нас переосмыслить и заново оценить прошлое. «Происходящие в современном обществе перемены порождают новые вопросы к минувшему» [Репина 2014: 207] – причем в первую очередь переосмысливается «душа» исторической личности, ибо в ней сокрыты мотивы поступков, когда-то превративших рядового индивида ушедших веков в незабвенную фигуру эпохи. Через переосмысление души наших «предшественников» мы переосмысливаем самих себя, следовательно, биография становится средством «самооткрытия» (“self-discovery”) [Nadel 1984: 131]. И конечно, в Великобритании, стране, где «культ предков – гарантия сохранения культурных ценностей» [Ибрагимова 2013: 131], жанр биографии, подстегнутый общественными катаклизмами рубежа XIX–XX вв., не просто получил «второе дыхание», а перевоплотился в совершенно ином виде – в виде «новой биографии».

Модификация биографического жанра в XX в. была неизбежна. Традиционную, «викторианскую» биографию поглотила идея воспитания нового поколения в соответствии с идеалами христианской морали. Видение исторической личности в роли объекта для подражания, чьими главными качествами были «самосовершенствование, терпеливая целеустремленность, усердный труд и непоколебимая честность» (“self-help, patient purpose, resolute working, and steadfast integrity”) [Smiles 1876: 6], никак не могло вписаться в картину мира жителей века мировых войн, психоанализа, теории эволюции и идей создания нового человека. Обыватель желал не просто прикоснуться к ушедшему, а найти в нем ответы на вопросы о человеческой сути, для чего идеологически выверенный образ героя викторианской биографии никак не подходил и даже более того – вызывал жгучую неприязнь. Интеллектуальное поколение, к которому принадлежал Джайлс Литтон Стрейчи, пройдя через ужасы войны, переживало разочарование, отчаяние (disillusionment and despair) и отвращение (revulsion) к культурному наследию своей страны [Partin 1956: 305]. Викторианская биография казалась Литтону Стрейчи «похоронным» жанром, заключающим в себе плохо переваренную массу материала, описанную скучно, чопорно и утомительно [Strachey 1918: viii], поэтому целью автора стала борьба с викторианским идеалом.

Основная часть

Произведение «Королева Елизавета и граф Эссекс» (“Elizabeth and Essex: A Tragic History”, 1928) – не просто биография, а своеобразный эксперимент. В нем исторический факт предстает в качестве предмета размышления и интерпретации, при этом интерпретации почти что мистической. Автор сосредоточивается на судьбе своего героя, на его предназначении, в результате чего художественный образ – личность – не просто формируется под воздействием тех или иных жизненных обстоятельств, а становится живым воплощением своего рода и, одновременно, его «заложником».

Образ графа Эссекса является ярким примером «предопределенности»: в истории его жизни, описанной в произведении, то тут, то там видятся намеки на трагичность человеческой судьбы и невозможность противиться «родовой настройке». Так, уже на первых страницах биографии Литтон Стрейчи размышляет о причинах столь ранней и ужасной кончины своего героя: «В истории Эссекса, такой запутанной, полной таких безумных перипетий и кончившейся так страшно, сквозь трагические контуры личной обреченности просвечивает агония упраздненного уклада» [Стрейчи 1992: 16]. Автор связывает его образ с образом «старой» Англии, которая не желает уйти на покой, но в то же время не может существовать при новом укладе и потому гибнет, вступив в неравную борьбу за свои идеалы. Таким образом, смерть Эссекса – это смерть не человека, а целой эпохи, метафорическая смена поколений.

В основе образа графа лежит глубокая родовая связь со Средневековьем. Роберт Девере – сын «вдохновенного крестоносца» – потомок «всех царственных родов средневековой Англии» [Стрейчи 1992: 16], человек, в роду которого «толпились» (“crowded into his pedigree”) [Strachey 1928: 2] представители знатнейших английских семей – Хантингдоны, Бохуны, Буршьеры, Феррерзы, Риверы, Пантагенеты – через перечисление известных фамилий Литтон Стрейчи не только приводит доказательство «знатности» происхождения Роберта Девере, но и подчеркивает важную деталь: граф неразрывно связан с *прошлым*, он – не просто наследник своих предков, а живое воплощение «старого духа феодализма» (“spirit of the ancient feudalism”) [ibid.]. Однако «старый дух» заключен в юном теле и подвластен юному сознанию; результат закономерен – средневековое наследие приобретает идеализированный вид, а сам Эссекс становится рыцарем, но не реальным, а романтически переработанным, слившимся с обра-

зами героев рыцарских баллад или старых сказок. «Он всем великую надежду подавал своею благородною истовостью в схватке» [Стрейчи 1992: 18] (“he gave all men great hope of his noble forwardness in arms”) [Strachey 1928: 4], – описывает Литтон Стрейчи очередную победу Эссекса на турнире, цитируя, предположительно, английского летописца Рафаэля Холиншеда [Devereux 1853: 180], и в этой явно стихотворной цитате слышится певучесть рыцарской баллады. Повод, конечно, соответствующий: праздничный турнир – событие, которое как нельзя лучше подходит для рыцарских подвигов в представлении очарованного Средневековым юноши, но автор спешит заступиться за своего героя, сообщая: в настоящей битве граф показал себя «одним из самых отчаянных храбрецов» [Стрейчи 1992: 18], за что действительно был посвящен в рыцари – мнимое становится явным, юный граф начинает свой путь к мечте.

Мистическая связь с чем-то сказочно-древним хорошо заметна в описании детства графа: Роберт Девере созрел «на лоне природы», в местах, где «древний деревянный замок с зубчатым верхом <...> романтически раскинулся среди охотничьих угодий, и где разгуливали на просторе медведь, барсук, олень и лань» [Стрейчи 1992: 17] (“the red deer and the fallow deer, the badger and the wild boar”) [Strachey 1928: 3]. Здесь автор указывает сразу на несколько составляющих «души» своего героя: родовой замок – намек на преемственность поколений и связь с рыцарским прошлым – стоит в «романтическом» месте, своеобразном райском уголке с мирно сосуществующими животными, в сознании читателя сразу же возникает образ, более похожий на иллюстрацию к сказке, чем на реальную местность. Выбранные автором звериные образы тоже привлекают внимание. Медведь (в оригинале – кабан), барсук, олень и лань – все они выступают важной частью культуры Великобритании: фольклора, литературы, изобразительного искусства. В этом анималистическом ряду наиболее интересен образ оленя/лани: олень присутствует на эмблеме семьи Девере в качестве одного из щитодержателей наравне с гончей, а значит, является одним из символов рода и наиболее тесно связан с образом самого графа.

Еще одна интересная деталь: XVI в. – эпоха Возрождения в Англии, в то время наблюдался рост интереса к античным сюжетам, что нашло отражение в культурной сфере. Образ самой Елизаветы как королевы-девственницы, пожертвовавшей личным счастьем ради государства, постепенно начал соотноситься с образом Артемиды (Дианы, Цинтии) – богини-девственницы, например, в стихотворении Бена Джонсона

«Гимн Диане» (“Hymn to Diana”, 1600), в цикле стихотворений «Цинтия» (“Cynthia”, 1580-1601) Уолтера Рэли, или на картине Маркуса Гирардта Младшего «Портрет женщины в персидском костюме», ранее также известной как «Королева Е» (“Queen E”); намекал на связь образов древней богини с Елизаветой художник Николас Хиллиард, хотя в созданных им портретах королевы эта связь не так очевидна. Эта тенденция была охарактеризована писателем Томасом Деккером в пьесе «Старый Фортунат» (“Old Fortunatus”, 1600): сравнения с богинями (не только с Артемидой/Дианой) призваны выразить многогранную любовь к Елизавете и отразить разные грани ее души: “Some call her Pandora: some Gloriana, some Cynthia, some Delphoebe, some Astraea: all by several names to express several loves: yet all those names make but one celestial body, as all those loves meet to create but one soul” [Dekker 1904: 3]. Возникает интересная параллель: образ графа Эссекса оказывается связан с образом оленя/лани, а образ королевы – с образом богини-девственницы. В этом контексте нельзя не вспомнить один из наиболее известных мифологических сюжетов, посвященных Артемиде, – миф об охотнике Актеоне, обращенном богиней в оленя. Любопытно, что Литтон Стрейчи сразу после упоминания животных пишет следующее: «Юнец (речь идет о Роберте Девере) любил охоту» [Стрейчи 1992: 17] – совпадение или деталь, добавленная намеренно? Мы можем предположить, что автор осознанно сближает образ Эссекса с образом героя мифа, намекая на связь или даже повторение их судеб.

Далее автор добавляет еще несколько деталей в образ графа: помимо «всех мужественных забав» Эссекс проявляет любовь к чтению, в его жилах кипит «могучая кровь», ему нет равных в «борьбе и беге», но мгновение – и вот перед читателем уже «бледный юноша с томом Вергилия в руках» [Стрейчи 1992: 17–18] – охотник и юный мечтатель, воплощение всего мужественного и романтически настроенная душа, «воитель-книжник» [там же: 100], как позднее охарактеризует его Литтон Стрейчи. Эту особенность души Эссекса автор называет «двойственностью» (“double nature”) [Strachey 1928: 4], которая также была свойственна елизаветинской эпохе – “double-faced age” [ibid.: 50]. Отсюда следует предположение: граф – дитя двух эпох; как часть рода он – воплощенное Средневековье, как самостоятельная личность – человек Возрождения. Как «старый дух» возродился в «юном теле», так и средневековый рыцарь оказался заперт в человеке, рожденном в «век барокко» [Стрейчи 1992: 22], и этот новый, переменчивый век добавил в образ и характер рыцаря новых оттенков и привел к неразрешимому противоречию, ставшему роковым.

Наше предположение находит подтверждение сразу в нескольких эпизодах биографии. Самый первый – все там же – в описаниях детства графа и в его родословной. Автор пишет: мать Роберта Девере, Леттис Ноулз, была «в той же мере представительницей новой знати, в какой отец был представителем старой» [там же: 17]. Эссекс, безусловно, – наследник своего отца, «мечтателя» и «благородного неудачника» (эта характеристика применима и к самому графу), продолжатель его рода, но материнская линия семьи, так же, как и социальное окружение, делает графа представителем новой, елизаветинской эпохи, а, следовательно – *елизаветинцем*, то есть человеком, *связанным с Елизаветой и принадлежащим ей*. При этом связь с королевой одновременно родственная (Леттис Ноулз была дальней родственницей Елизаветы), социальная (во-первых, титул графа Эссекса был дарован отцу Роберта Девере самой Елизаветой; во-вторых, после смерти отца, юный граф стал пасынком графа Лестера – первого фаворита королевы), материальная (приближенность к правительнице давала Эссексу все, о чем мог мечтать дворянин: богатство, власть, статус, и граф умело этим пользовался: «скоро эта новая звезда, так стремительно взошедшая на небосклон, затмила все другие. Королева с графом стали неразлучны» [там же: 18]), и, наконец, мистическо-духовная: связь рыцаря и дамы, связь старого и нового, связь мужского и женского.

Еще один намек на «елизаветинство» Эссекса кроется в размышлениях автора биографии о природе человека (конкретнее – мужчины) эпохи Возрождения в Англии: «Однако светский лев, чей кодекс чести предписывал редкостное мужество, – разве он не был женствен (“effeminate”) в струении своих кудрей (“flowing hair”), в сверкании серег (“jewelled ears”)? А удивительное общество, холившее все эти тонкости и прихоти, как готовно оно отворачивалось от своих баловней, с какой гнусной жестокостью накидывалось на случайную жертву! Измена счастья – навет соглядатая – и те же украшенные серьгами уши под гогот толпы падали, отсеченные палаческой рукой» [там же: 22]. Можно провести параллель между мужественно-женственным «светским львом» елизаветинской эпохи и юным графом Робертом Девере, который, как было упомянуто ранее, «любил все мужественные забавы», но «любил и чтение» (по всей видимости, не относящееся к «мужественному» времяпрепровождению, по мнению автора). Здесь же видится переключка внешнего облика типичного мужчины того времени с обликом графа: светский лев утончен и прекрасен, на его голове вьются кудри, в ушах поблескивают серьги. Эссекс описан

схожим образом: «красота очаровательного юноши, мальчишеский открытый нрав, слова и взоры обожанья, высокий рост, изысканные руки и шелково-русая голова...» [там же: 18] – в этом описании мужественные (мужские) черты, вроде высокого роста (“tall figure”) и мальчишеского нрава (“boyish spirits”) переплетаются с чертами, которые совсем не вызывают ассоциаций с образом воителя: шелковые русые волосы (“auburn hair”) и изысканные руки (“exquisite hands”) – мужественность и женственность слились воедино. В связи с этим обстоятельством стоит упомянуть: королеву Елизавету Литтон Стрейчи тоже видит как сочетание мужественности и женственности – “mixture of the masculine and the feminine” [Strachey 1928: 12], что делает героев биографии отражением друг друга. Помимо всего прочего, этот эпизод предвещает финал жизни графа. Эссекс, тоже своего рода «баловень» судьбы, переживает карьерный взлет только лишь затем, чтобы пройти через суд и быть обезглавленным *палаческой рукой*.

Выходит, королева всегда присутствовала в жизни графа, влияла на его судьбу сразу на нескольких уровнях, а двойственное происхождение Эссекса поместило его как бы между двумя реальностями и обрекло на роковую «нераздельность» [Стрейчи 1992: 19] с Елизаветой. Роберт Девере благороден, но его благородство одновременно искреннее и показное, слишком романтизированное, по-детски наивное. В соответствии с мнимым и реальным рыцарским титулом, Эссекс избирает для себя «прекрасную даму» – саму королеву Елизавету – «леди Ренессанса» [там же: 28], которая, как ни парадоксально, воплощает «новую» Англию и борется против всего, что составляет «душу» графа. В результате балладный сюжет оказывается вывернутым наизнанку: прекрасная и недостижимая дама уже давно не молода и не прекрасна; благородный рыцарь вступает в духовно-эмоциональную связь с королевой не столько из благородных побуждений, сколько из желания получить выгоду; вместо любви и взаимопонимания – эмоциональная зависимость и стремление подавить друг друга. Литтон Стрейчи неоднократно подчеркивает противоречивость самой сути этих отношений, но не обвиняет и не судит своих героев, а, наоборот, по-доброму посмеивается над ними, признавая их право на собственный выбор: «в сверканье жемчугов и веянье вуалей сказочная принцесса, отпраздновавшая уже шестидесятый день рождения, сияла чуть ли не юной красотой. Прекрасный рыцарь, стоя с нею рядом, сотворил чудо – улыбкою прогнал мрак долгих, тяжелых лет» [там же: 61].

Борьба средневекового и возрожденческого идеалов заставляет Роберта Девере метаться между двумя половинами своей души. «Его мятежный нрав требовал превратностей войны; только так могла насытиться его душа, только так он мог покрыть себя нетленной славой», — пишет Литтон Стрейчи, — «он сделался средоточием нового елизаветинского патриотизма, патриотизма, который был чем-то отдельным от политики, от религии, и в котором кипела та небывалая отвага, та дивная самонадеянность и то пьянящее чувство общности, которое после стольких робких лет охватило англичан... Новым этим духом отдавали победительные ритмы “Таммерлана”; живым его воплощением был Эссекс» [там же: 70–71]. Голос Эссекса буквально сливается с хором голосов елизаветинского общества, средневековые в душе графа начинают служить идеалам Нового Века, но переменчивому веку балладный рыцарь нужен не в качестве полноценного члена социума, гражданина страны и верного защитника королевы, а в роли красивого героического символа, воодушевляющего народ, но не требующего лишних затрат, ибо «войны разоряют» [там же: 26]. Его прекрасная дама и одновременно хозяйка, будучи «высшим воплощением елизаветинства» [там же: 22], стремится подавить прошлое в душе своего фаворита. Как историческая личность, она делает это из прагматических соображений (свойственная Эссексу воинственность разоряет королевскую казну), как героиня произведения, она — богиня, госпожа и владычица — видит в подданном-олене существо, которое не может быть приравнено к человеку и уж тем более — к божеству. Отношения героев становятся нескончаемым противостоянием: благородные попытки графа помочь достойным, по его мнению, людям обрести подобающее место при дворе воспринимаются королевой как посягательства на ее авторитет; просьбы графа, если и удовлетворяются, то с большой неохотой; его регулярные «побеги» на войну заставляют Елизавету всерьез беспокоиться за его жизнь; его демонстративное геройство дарит ему всенародную любовь (даже со стороны врагов) и при этом навлекает на него монарший гнев; беспечное отношение к деньгам приводит его царственную госпожу в ужас и одновременно с этим дает ей возможность накинуть на «оленья» узду: способ ведения войны определяет тот, кто ее спонсирует, а средства на ведение боевых действий могла выделить (или не выделить) только королева.

Рыцарский потенциал не находит места для реализации: «вялая, половинчатая война в точности отвечала вкусу Елизаветы; но представлялась позором Эссексу» [там же: 89] — и именно чув-

ство позора и бессилия приводит Роберта Девере к осознанию: бунт неизбежен.

В 1599 г. граф Эссекс получает титул Лорда-Наместника и отбывает в Ирландию для подавления восстания, но вскоре возвращается: битва проиграна, шестнадцатитысячная армия сократилась вчетверо. Граф, «такой благородный, отважный, такой возвышенный» [там же: 104] теперь оказывается в числе проигравших. Выясняется, что воинский талант был всего лишь «вкусом к войне» [там же: 178]. Разгневанная Елизавета лишает Эссекса основного источника дохода, неудача в последней кампании закрыла для графа путь к воинской славе. Эссекс вдруг четко понимает: он — всего лишь слуга, сиятельная Глориана в любой момент может лишить его всего: денег, статуса, *мечты*. Это стало последней каплей, старый феодализм затмил голос разума, «скорее прошлое, чем будущее, водило разгневанным пером Роберта Девере. Кровь сотни владетельных князей <...> стучала в его сердце... Расходившееся средневековое будоражило не ко времени благородного рыцаря Возрождения» [там же: 159]. Обратиться в «елизаветинца» означало предать не только свой род, но и самого себя. Средневековый воин, так яростно стремившийся стать частью чуждого ему общества, наконец, понял, что служить двум «господам» невозможно. Для него выход был однозначен: Эссекс устроил восстание, которое, тем не менее, было направлено не против его прекрасной дамы, не против Елизаветы, а против ее «елизаветинства» — путаная натура Эссекса была неспособна понять, что Елизавета и елизаветинство есть одно целое.

Как и следовало ожидать, благородный рыцарь не нашел поддержки у елизаветинского народа. Бунт был быстро подавлен, и за ним последовал суд — действие мерзкое и унижительное, призванное не разобраться в истоках принятых Эссексом решений, а избавиться от неудобного: «суд явился, в сущности, не более как театральным представлением. Приговор был вынесен заранее, и все заинтересованные лица прекрасно это понимали» [там же: 214]. По сути, приговор Эссексу выносят придворные — недавние союзники и извечные конкуренты графа. Сам Эссекс, равно как и Елизавета, оказывается заложником дворцовых игр. Все эти трагические события удивительным образом перекликаются с мифологическим сюжетом: юный охотник Актеон посягает на неприкосновенность богини Артемиды — хвастается своими навыками, заявляя, будто превосходит саму богиню охоты; или похваляется, что видел богиню-девственницу обнаженной. Независимо от версии сюжета итог всегда один: оскорбленная Артемида обращает самонадеян-

ного юношу в оленя, и тот оказывается разорван на части собственными собаками, не признавшими в нем хозяина. Как тут не вспомнить эмблему семьи Девере? *Олень* и *гончая*, две стороны охоты, держат щит – в застывшем моменте они стали союзниками, но что произойдет, если время возобновит свой бег?

Сцена суда тоже отсылает читателя к мифу: самыми яркими обвинителями графа становятся те, кто смог возвыситься лишь благодаря его поддержке и благородству. Среди них – Фрэнсис Бэкон – объект самых щедрых милостей графа, его друг и должник. Именно он не просто свидетельствует против собственного благодетеля, но и делает все возможное, чтобы смертный приговор стал неизбежным: «он (Бэкон) не сообразил, что долгая дружба, неизменная доброта, благородная щедрость и трогательное восхищение графа делали прискорбным и позорным участие в его уничтожении... Но это было не для него. Натура не позволяла, судьба не позволяла. Пост Лорда-Канцлера маячил впереди» [там же: 213]. Эссекс-Актеон позволяет себе лишнее и навлекает на себя гнев Елизаветы-Артемиды, из-за чего теряет статус «охотника» и приобретает статус «дичи», финал шокирующий и трагический: Роберта Девере рвут на части собственные «псы».

Параллельно с мифологическим мотивом раскрывается мотив религиозный: Фрэнсис Бэкон обвиняет Эссекса в три захода; сначала он сравнивает графа с Писистратом, который «сам себе нанеся рану, бежал по Афинам и кричал, будто враги ищут его лишить жизни», дабы склонить народ на свою сторону и захватить власть [там же: 217]; затем, в ответ на попытку Эссекса рассказать суду о том, как Бэкон еще совсем недавно собственноручно писал от его имени письма, адресованные королеве, объясняет свой поступок желанием «сделать графа добрым подданным Ее Величества и государства» [там же: 218]; а под занавес судебного процесса приводит еще одно сравнение – на этот раз с герцогом де Гизом, поднявшим французский народ против короля – таким образом Фрэнсис Бэкон не только предаст друга, подобно Иуде, но и трижды отрекается от него, подобно Петру. Суд имеет фиктивный характер и направлен скорее на унижение, чем на свершение правосудия и заканчивается своеобразным торжеством (двухголового) змея: Фрэнсиса Бэкона и Роберта Сесила: «двойное жало ужалило опять» [там же: 219]. Во введенном Литтоном Стрейчи «змеином» образе видится связь с мотивом рая, уже встречавшимся нам в ранних главах, посвященных детству графа: вспомните «райский уголок», где медведь, барсук, олень и лань живут бок о бок – Змей-искуситель проявляет коварство, и граф,

подобно первому человеку, ставшему чужаком в доме Бога, оказывается чужим в чертогах Богини Возрождения. Но самым явным намеком на библейскую тему становится, как ни странно, возраст графа Роберта Девере – простой исторический факт, в других обстоятельствах не сыгравший бы особой роли, кроме служения исторической достоверности, но в руках Литтона Стрейчи приобретший глубокий смысл: «Он еще молод... (ему минуло тридцать три года)».

Заключение

Таким образом, образ Эссекса соединяет в себе грани разного порядка: граф одновременно выступает в роли воплощенного Средневековья («старой» Англии) и воплощенного елизаветинства («новой» Англии). «Средневековье» в душе Эссекса приобретает сказочно-романтический характер, в результате чего Роберт Девере стремится приблизиться к образу рыцаря, но не реального, а сказочно-балладного. Для реализации «рыцарского» сюжета герой, как и положено истинному рыцарю, избирает «прекрасную даму» – в случае Эссекса избранницей становится, как ни парадоксально, королева Елизавета – живое воплощение самой эпохи елизаветинства, что приводит графа к внутреннему конфликту: средневековый рыцарь вынужден подстраиваться под возрожденческие идеалы и пытаться стать частью возрожденческого общества. Образ Эссекса как воплощенного елизаветинства проявляется в противоречивости натуры графа: дитя двух эпох сочетает в себе черты «мужского» и «женского» (как и сама Елизавета), старого и нового, реального и мифологического, и все грани этой натуры находятся вне власти героя – его судьба predetermined принадлежностью к роду и эпохе. Тема predeterminedности (рока) в произведении раскрывается через отсылки к мифологии и религии. Литтон Стрейчи связывает образ своего героя с образом юноши-охотника из древнегреческого мифа, в результате к Эссексу-рыцарю, Эссексу-Старой Англии и Эссексу-Новой Англии добавляется Эссекс-Актеон, метафорически оращенный Елизаветой-Артемидой в оленя – недочеловека, погубленного собственными товарищами. Религиозная тема сближает образ Эссекса с образом Сына Божьего – Адама, изгнанного Богом из рая, или Иисуса Христа, прошедшего через унижительный суд и казненного по воле толпы. Подводя итог, мы выделяем следующие грани художественного образа графа Эссекса в произведении «Королева Елизавета и граф Эссекс»: Эссекс – воплощенное Средневековье и Эссекс – сказочный рыцарь, Эссекс – воплощенное елизаветинство и Эссекс – сочетание мужского и жен-

ского, Эссекс – отражение и противоположность Елизаветы, Эссекс-Актеон и Эссекс – Сын Божий. Раскрывая все эти грани души своего героя, Литтон Стрейчи стремится уничтожить пропасть между человеком «тогда» и человеком «сейчас» и показать, что Роберт Девере прежде всего *живое существо* – мыслящее, чувствующее, неоднозначное – всего лишь юноша, попавший в водоворот исторических событий, но сумевший остаться в памяти народа – в этом заключается суть жанра новой биографии.

Список литературы

- Аристотель*. Метафизика / пер. с греч. П. Д. Перлова и В. В. Розанова, ком. В. В. Розанова. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 232 с.
- Леона А. В.* Историческое сознание и кризисный социум. М.: Спутник+, 2013. 229 с.
- Проскурнин Б. М.* Романное в нероманном: книга Литтона Стрейчи «Именитые викторианцы» // *Мировая литература в контексте культуры*. 2020. № 11 (17). С. 77–87.
- Раренко М. Б.* Жанр биографии как социальный феномен // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология*. 2019. № 3. С. 11–24. doi 10.31249/rsoc/2019.03.02
- Репина Л. П.* Социальные кризисы и катаклизмы в исторической памяти: теория и практика исследований // *Труды отделения историко-филологических наук РАН*. 2008–2013 год. М.: Наука, 2014. С. 206–231.
- Сафонова М. А.* Стилистическое своеобразие биографической прозы Литтона Стрейчи (на материале биографии «Королева Виктория») // *Вестник ИГЛУ*. 2013. № 3 (24). С. 113–117.
- Сафонова М. А.* Языковые особенности индивидуального стиля Литтона Стрейчи // *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение, Языкознание, Культурология*. 2014. № 8 (130). С. 132–138.
- Селитрина Т. Л., Дашков С. Ю.* Жизнь и судьба английской королевы Елизаветы I глазами историка и художника (Кристофер Хейг и Литтон Стрейчи) // *Биографизм в зарубежной литературе: материалы Междунар. науч. конф. «XXXVII Пушкинские чтения»* (г. Москва, 9–11 апреля 2025 г.) / под общ. ред. М. А. Дремова. [Электронное издание сетевого распространения]. М.: МПГУ, 2026. С. 148–157. doi 10.31862/9785426316683
- Стрейчи Л.* Именитые викторианцы / пер. с англ. А. Ю. Голосовской; издание подготовили: Б. М. Проскурнин, Д. Б. Вершинина, Г. А. Велигорский, Л. А. Сифурова. Серия: Памятники всемирной литературы. М.: Ладомир, Независимый альянс, 2024. 810 с.
- Стрейчи Л.* Королева Елизавета и граф Эссекс / пер. с англ. и прим. Е. Суриц; пред. В. Харитонов; оформл. Е. Трофимовой. М.: Слово, 1992. 252 с.
- Ибрагимова Х.* Биографический жанр в английской литературе XX века (на материале романа-биографии Питера Акройда «Лондон») // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации»*. 2013. Т. 26 (65), № 1, ч. 1. С. 130–135.
- Ходинская М. В.* Эволюция жанра биографии в английской литературе: от агиобиографии к геобиографии // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки*. 2023. № 3 (68). С. 75–79. doi 10.52928/2070-1608-2023-68-3-75-79
- Calek A.* Biografia naukowa: od koncepcji do narracji. Interdyscyplinarność, teorie, metody badawcze. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego. 2013. 342 p.
- Clifford J. L.* Biography as an art; selected criticism, 1560-1960. London: Oxford University Press, 1962. 256 p.
- Dekker T.* Old Fortunatus. A play written by Thomas Dekker. Edited with a preface, notes and glossary by Oliphant Smeaton. London: J. M. Dent and Co. Aldine House, 1904. 142 p.
- Devereux W. B.* Lives and letters of the Devereux, earls of Essex, in the reigns of Elizabeth, James I., and Charles I., 1540–1646. Vol. 1. London: John Murray, Albemarle Street, 1853. 503 p.
- Johnston G. A.* The New Biography. Ludwig, Maurois, and Strachey // *The Atlantic Monthly*. 1929. Vol. 143, № 3. P. 333–342.
- Holroyd M.* Lytton Strachey and the Bloomsbury group: his work, their influence. Harmondsworth: Penguin Books, 1971. 400 p.
- Holroyd M.* Lytton Strachey: A Biography. London: Book Club Associates, 1955. 1144 p.
- Holroyd M.* Lytton Strachey: The New Biography. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1995. 751 p.
- Hoberman R.* Modernizing Lives: Experiments in English biography, 1918–1939. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1987. 235 p.
- Kendall P. M.* The Art of Biography. London: George Allen & Unwin LTD. Ruskin House Museum Street, 1965. 184 p.
- Lee S.* Principles of Biography. Cambridge: Cambridge University Press, 1911. 54 p.
- Maurois A.* Aspects of Biography. Cambridge: Cambridge University Press, 1929. 189 p.
- Nadel I. B.* Biography: Fiction, Fact and Form. London: Macmillan, 1984. 248 p.
- Nadel I. B.* Narrative and the Popularity of Biography // *Mosaic: An Interdisciplinary Critical*

Journal. 1987. Vol. 20, № 4. DATA and ACTA: Aspects of Life-Writing. P. 131–141.

Partin R. Biography as an Instrument of Moral Instruction // *American Quarterly*. Vol. 8, № 4, 1956. P. 303–315.

Renders H., de Haan B. (eds.) *Theoretical Discussions of Biography: Approaches from History, Microhistory, and Life Writing*. Leiden; Boston: Brill Publishers, 2014. Vol. 7. 273 p.

Smiles S. *Self-Help*. London: William Clowers and Sons, 1876. 415 p.

Strachey G. L. *Elizabeth and Essex: A Tragic History*. New York: Harcourt, Brace and Company, 1928. 296 p.

Strachey G. L. *Eminent Victorians*. New York: The Modern Library, 1918. 129 p.

Thirriard M. Virginia Woolf, Lytton Strachey, Harold Nicolson and the Aesthetics of the Subject in the New Biography // *Études britanniques contemporaines*. 2021. Vol. 60. doi 10.4000/ebc.10373.

Truby J. *The Anatomy of Genres: How Story Forms Explain the Way the World Works*. New York: Picador Paper, 2022. 720 p.

Woolf V. The Art of Biography // *The Atlantic Monthly*. 1939. Vol. 163, № 4. P. 506–510.

References

Aristotle *Metaphysics* / trans. from Greek by P. D. Pervov and V. V. Rozanov, comm. by V. V. Rozanov. Moscow, Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas, 2006. 232 p. (In Russ.)

Leopa A.V. Historical consciousness and crisis society. Moscow, Sputnik+, 2013. 229 p. (In Russ.)

Proskurnin B. M. Novelistic Traits in Non-fiction: Lytton Strachey's *Eminent Victorians*. *World Literature in the Context of Culture*, 2020, issue 11(17), pp. 77-87 (In Russ.)

Rarenko M. B. The Biography Genre as a Social Phenomenon. *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11. Sociology*, 2019, issue 3, pp. 11-24. doi 10/31249/rsoc/2019.03.02 (In Russ.)

Repina L. P. Social Crises and Cataclysms in Historical Memory: Theory and Practice of Research. *Proceedings of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences*, 2008-2013. Moscow, Hayka, 2014, pp. 206-231 (In Russ.)

Safonova M. A. Stylistic Peculiarities of Lytton Strachey's Biographical Prose (Based on "Queen Victoria"). *Bulletin of Irkutsk State Linguistic University*, 2013, issue 3 (24), pp. 113-117 (In Russ.)

Safonova M. A. Linguistic Peculiarities of Lytton Strachey's Individual Style. *RSUH/RGGU BULLE-*

TIN. Series: Philology. Linguistic Studies, 2014, issue 8 (130). pp. 132-138 (In Russ.)

Selitrina T. L., Dashkov S. U. Life and Fate of the English Queen Elizabeth I through the Eyes of a Historian and an Artist (Christopher Haigh and Lytton Strachey). *Biographicalism in Foreign Literature: Proceedings of the XXXVII Purishev Readings International Scientific Conference, Moscow, April 9-11, 2025* / edited by M. A. Dryomov. Moscow, MPGU, 2026, pp. 148-157. doi 10.31862/9785426316683 (In Russ.)

Strachey L. *Eminent Victorians* / trans. from English by A. Yu. Golosovskaya; edited by B. M. Proskurnin, D. B. Vershinina, G. A. Veligorsky, and L. A. Sifurova. Series: Monuments of World Literature. Moscow, Ladomir, Independent Alliance, 2024. 810 p. (In Russ.)

Strachey G. L. *Elizabeth and Essex: A Tragic History* / trans. from English, annot. by E. Surits; foreword by V. Kharitonov; designed by E. Trofimova. Moscow, SP Slovo, 1992. 252 p. (In Russ.)

Ibragimova Kh. Biographical Genre in English literature of XX century (Based on the Novel-biography "London" of Peter Ackroyd. *Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. Series: Philology. Social Communications*, 2013, vol. 26 (65), issue 1, part 1, pp. 130-135 (In Russ.)

Khadzinskaya M. V. The Evolution of the Genre of Biography in English Literature: From Hagiography to Geobiography. *Herald of Polotsk State University. Series A. Humanity sciences*, 2023, issue 3(68), pp. 75-79. doi 10.52928/2070-1608-2023-68-3-75-79 (In Russ.)

Całek A. *Scientific biography: from concept to narrative. Interdisciplinarity, theories, research methods*. Kraków, Jagiellonian University Press. 2013. 342 p. (In Pol.)

Clifford J. L. *Biography as an art; selected criticism, 1560-1960*. London, Oxford University Press, 1962. 256 p. (In Eng.)

Dekker T. *Old Fortunatus. A Play written by Thomas Dekker*. Edited with a Preface, Notes and Glossary by Oliphant Smeaton. London, J. M. Dent and Co. Aldine House, 1904. 142 p. (In Eng.)

Devereux W. B. *Lives and letters of the Devereux, earls of Essex, in the reigns of Elizabeth, James I., and Charles I., 1540-1646. Vol. I*. London, John Murray, Albemarle Street, 1853. 503 p. (In Eng.)

Johnston G. A. *The New Biography. Ludwig, Maurois, and Strachey*. The Atlantic Monthly, 1929. pp. 333-342. (In Eng.)

Holroyd M. *Lytton Strachey and the Bloomsbury group: his work, their influence*. Harmondsworth: Penguin Books, 1971. 400 p. (In Eng.)

Holroyd M. Lytton Strachey: A Biography. London, Book Club Associates, 1955. 1144 p. (In Eng.)

Holroyd M. Lytton Strachey: The New Biography. New York, Farrar, Straus and Giroux, 1995. 751 p. (In Eng.)

Hoberman R. *Modernizing Lives: Experiments in English biography, 1918-1939*. Carbondale, Southern Illinois University Press, 1987. 235 p. (In Eng.)

Kendall P. M. *The Art of Biography*. London, George Allen & Unwin LTD. Ruskin House Museum Street, 1965. 184 p. (In Eng.)

Lee S. *Principles of Biography*. Cambridge, Cambridge University Press, 1911. 54 p. (In Eng.)

Maurois A. *Aspects of Biography*. Cambridge University Press, 1929. 189 p. (In Eng.)

Nadel I. B. *Biography: Fiction, Fact and Form*. London, Macmillan, 1984, 248 p. (In Eng.)

Nadel I. B. Narrative and the Popularity of Biography. *Mosaic: An Interdisciplinary Critical Journal*, 1987, vol. 20, issue 4, pp. 131-141. (In Eng.)

Partin R. Biography as an Instrument of Moral Instruction. *American Quarterly*, 1956, vol. 8, issue 4, pp. 303-315. (In Eng.)

Renders H., de Haan B. Theoretical Discussions of Biography: Approaches from History, Microhistory, and Life Writing. BRILL. Vol. 7, 2014. 273 p. (In Eng.)

Smiles S. *Self-Help*. London, William Clowers and Sons, 1876. 415 p. (In Eng.)

Strachey G. L. *Elizabeth and Essex: A Tragic History*. New York, Harcourt, Brace and Company, 1928. 296 p. (In Eng.)

Strachey G. L. *Eminent Victorians*. The Modern Library, New York, 1918. 129 p. (In Eng.)

Thirriard M. Virginia Woolf, Lytton Strachey, Harold Nicolson and the Aesthetics of the Subject in the New Biography. *Études britanniques contemporaines*, 2021, issue 60. (In Eng.)

Truby J. *The Anatomy of Genres. How Story Forms Explain The Way The World Works*. New York, Picador Paper, 2022. 720 p. (In Eng.)

Woolf V. The Art of Biography. *The Atlantic Monthly*, 1939, vo. 163, no 4, pp. 506-510. (In Eng.)

Информация об авторе

Касьянова Мария Леонидовна

аспирант кафедры зарубежной филологии
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

kasuanovamfriya@gmail.com

SPIN-код: 1078-2100

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0544-4794>

Статья поступила в редакцию 30.04.2026; одобрена
после рецензирования 29.05.2026; принята к публика-
ции 01.06.2026

Information about the author

Mariya L. Kasyanova

Postgraduate Student at the Department
of Foreign Philology
Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

kasuanovamfriya@gmail.com

SPIN-code: 1078-2100

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0544-4794>

Submitted 30 Apr 2026; revised 29 May 2026; accepted
01 June 2026